

Советская политика на Балканах в период заката «перестройки» (1990–1991 гг.)

И для СССР, и для Югославии 1990 и 1991 гг. были очень трудными. На весах истории решалась судьба социалистических федераций.

Белград прилагал большие усилия к тому, чтобы удержать Югославию от распада. И кроме внутренней, этому должна была способствовать и внешняя политика. Возможно, в 1990 г. югославское руководство рассматривало внешнюю политику как весомый общенациональный фактор преодоления межреспубликанских разногласий, содействующий консолидации федерации. Югославия искала «новые импульсы двусторонних отношений с развитыми государствами» — Италией, ФРГ, Австрией, Францией¹.

Однако внутренние проблемы стремительно перерастали в конфликты, последние — в войны. В такой ситуации западноевропейское направление внешней политики Югославии оказалось неэффективным в плане объективности рассмотрения происходивших событий. Поэтому, пытаясь сохранить единство федерации, руководство страны большие надежды возлагало на СССР.

В СССР же нарастал свой кризис. На страну обрушились проблемы, с которыми идеология «перестройки» справиться не могла. Пока советский лидер Михаил Сергеевич Горбачёв говорил о «национальном ренессансе»², пытался решать проблемы единства федерации, разграничения управленческих функций между Центром и республиками, в стране уже разрушались государственные границы, появились первые беженцы, произошли крушения финансового и потребительского рынков. По регионам нашей огромной страны прокатились митинги оппозиции. Ми-

нистр внутренних дел СССР Вадим Викторович Бакатин сообщал на совещании в ЦК КПСС 24 февраля 1990 г., что «нервозность нарастает... 60 митингов проходят уже сегодня, а завтра их будет 260»³. Достаточно хаотично страна переходила к многопартийной системе. КПСС утрачивала контроль над внутренней ситуацией. Члены Политбюро ЦК КПСС с недоумением наблюдали, как кто-то, называющий себя демократом, хочет «развалить партию и страну, восстановить в ней буржуазные порядки»⁴.

Валентин Михайлович Фалин, член ЦК КПСС в те годы, в своих воспоминаниях, анализируя причины масштабных импровизаций Горбачёва, приведших к краху «перестройки», подчёркивает, что «невежество..., незнание, слитое с безграничной и неконтролируемой властью, равно почти стихийному бедствию»⁵. По его мнению, «придя к власти без программы, чётко продуманной концепции, Горбачёв занялся импровизациями...»⁶. Импровизации дорого стоили нашей стране. Это касается и внешней политики.

Югославское направление балканской внешней политики СССР в таких трудных внутривнутриполитических условиях не было серьёзно востребованным. Во всяком случае из документов видно, что в нём больше была заинтересована югославская сторона. Разговоры во время встреч или по телефону носили общий характер и подчёркивали необходимость наращивать взаимовыгодное сотрудничество по всем направлениям. Следует при этом подчеркнуть, что связи не прекращались, и мы наблюдаем советско-югославские контакты на разных уровнях.

С 24 по 28 июня 1990 г. в Югославии по приглашению Комитета по внешней политике Союзного веча Скупщины СФРЮ находилась делегация Комитета по международным делам Верховного Совета СССР во главе с председателем Комитета Александром Сергеевичем Дзасоховым. Югославы выражали удовлетворение «атмосферой, установившейся в последние годы в советско-югославских отношениях, динамикой их развития, масштабностью»⁷. В октябре 1990 г. состоялась встреча министра иностранных дел СССР Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе с Союзным секретарем по иностранным делам СФРЮ Будимиром Лончаром. В ноябре 1990 г. Горбачёв встречался с Председателем Президиума СФРЮ Борисавом Йовичем (отношения меж-

ду странами оценены как не имеющие осложняющих моментов). Председатель Совета министров СССР Николай Иванович Рыжков беседовал с заместителем председателя правительства Югославии Александром Митровичем в спокойной и дружественной обстановке по вопросам экономического и научно-технического сотрудничества. 9 февраля 1991 г. происходил телефонный разговор вновь назначенного министра иностранных дел СССР Александра Александровича Бессмертных с Союзным секретарём по иностранным делам (министром) СФРЮ Б.Лончаром. «С обеих сторон было подчеркнуто стремление к дальнейшему развитию сотрудничества между СССР и СФРЮ, которое имеет хорошие перспективы»⁸. Вопросы нарастания кризиса в стране или не рассматривались, или не нашли отражения в официальных сообщениях.

А.А. Бессмертных, назначенный министром иностранных дел СССР в январе 1991 г., свою первую поездку в Европу начал с Белграда (8–9 апреля), изменив ранее намеченный распорядок балканского турне и поставив Грецию на второе место. Министр заверил, что Советский Союз «хочет видеть СФРЮ единым и процветающим государством, активно выступает за сохранение территориальной целостности, нерушимости границ Югославии, против интернационализации её проблем, которая противоречила бы основополагающим документам общеевропейского процесса»⁹. В качестве главной причины визита советского министра в СФРЮ югославская пресса называла стремление СССР не оставаться в стороне и в такой форме продемонстрировать отношение к югославским делам в условиях, когда США, а также западноевропейские страны не только с предельной ясностью изложили свои позиции по югославской проблематике, но и прямо обозначили приемлемые для них контуры возможной развязки кризиса, переживаемого Югославией. Белграду было очень важно, что Бессмертных делал упор на «важность укрепления единства страны и союзных начал в её устройстве при недопущении интернационализации югославского кризиса»¹⁰.

Над югославской федерацией в 1990 г. уже отчётливо нависла угроза серьёзного конфликта между республиками, поэтому Белграду крайне важна была позиция Москвы. Тогда она была одно-

значной — у руководства СССР не вызывала никакого сомнения необходимость сохранения единства Югославии. Обосновывая такую позицию, советские дипломаты предлагали не сбрасывать со счетов ряд весомых интеграционных факторов. 1. Большинство населения (около 90%), согласно опросам общественного мнения, выражало желание жить в едином государстве. 2. Экономика страны ориентирована на внутренний рынок и межреспубликанские связи. 3. Высокая степень национальной неоднородности каждой федеративной единицы за исключением Словении. 4. Сложные территориальные проблемы с соседними государствами (у Македонии с Болгарией, у Сербии с Венгрией и Албанией, у Словении и частично Хорватии с Италией), которые могут стать дополнительным дестабилизирующим фактором. 5. США, ФРГ, Франция, крупнейшие экономические и финансовые объединения «ясно дают понять Белграду, да и руководству республик, что заинтересованы в сохранении стабильного югославского государства, что лишь единая Югославия, а не “шесть мелких балканских стран” может рассчитывать на экономическую и технологическую помощь Запада, на сотрудничество с ним»¹¹. Тогда в советском посольстве в Белграде были уверены, что в Югославии возможна перестройка её государственного устройства на принципах конфедерации, «асимметричной» или «мягкой» федерации при сохранении единства страны. При этом дипломаты обращали внимание на то, что противоречия между республиками остаются острыми и раскол страны не исключается.

Начальник 3 Европейского Управления МИД СССР Мечеслав Иванович Сенкевич писал в Докладной записке министру иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе в декабре 1990 г., что с точки зрения советских государственных интересов сохранение целостности Югославии, «ребалканизации» этой страны и региона должны быть одной из приоритетных задач советской внешней политики. Не был оставлен в стороне и вопрос о том, что, в отличие от других стран Восточной Европы, в Югославии сохраняется неизменно истинно дружеское расположение народов Югославии к Советскому Союзу, «не происходит столь характерного для Восточной Европы “поворота к Западу”»¹². Исходя из этого, предлагалось наращивать поддержку югослав-

скому руководству, его усилиям по сохранению целостности СФРЮ, продолжая диалог с руководством страны и всех республик, со всеми политическими общегославскими силами.

Идея самостоятельности югославских республик, прежде всего, Словении и Хорватии, витала в 1990 г. в воздухе. Готовясь к многопартийным выборам, ведя переговоры с лидерами других республик Югославии о переустройстве страны, их руководство всесторонне прорабатывало вопрос провозглашения независимости.

Нам важно обратить внимание на то, что Словении и Хорватии надо было преодолеть сложившуюся европейскую систему нерушимости границ. Поэтому важным моментом в подготовке признания независимости были переговоры с лидерами европейских государств и СССР. Так, в сентябре 1990 г. посол СССР в Югославии Вадим Петрович Логинов разговаривал с недавно избранным Президентом Республики Хорватии Франё Туджманом. Тот поблагодарил посла за «желание сотрудничать с новым демократическим правительством Хорватии», провёл параллели между СССР и СФРЮ, интересовался вопросами межреспубликанских отношений в Советском Союзе, «в частности, проблемой самостоятельности прибалтийских республик, отношениями между РСФСР и Украиной...»¹³. Готовясь к отделению и создавая свои вооружённые подразделения, в разговорах с советскими дипломатами хорваты расспрашивали об организации гражданской обороны в СССР, её взаимоотношениях с армией и другими государственными структурами.

Член Президиума СФРЮ от Хорватии Стипе Месич устанавливал связь с лидерами ведущих держав, убеждая их, что дальнейшее существование югославской федерации бессмысленно. «Мне хотелось увлечь идеей распада Югославии тех, кто обладал сильным влиянием в Европе – Геншера¹⁴ и Папу. С Геншером я встречался даже три раза. Он помог мне получить аудиенцию у Папы. И тот, и другой согласились с тем, что было бы лучше, если бы СФРЮ перестала существовать», – откровенно говорил С. Месич¹⁵.

Как отмечает словенский историк Янко Прунк, «особенно последовательную поддержку Словении оказывали Германия,

Австрия, Венгрия, Чехословакия, Польша... Важную поддержку Словении оказал Ватикан»¹⁶.

25 марта 1991 г. председатель Комиссии по международным связям Скупщины Словении Матияж Шинковец посетил посла СССР в Югославии В.П. Логинова и в разговоре с ним не скрывал, что вопрос разъединения Словении с Югославией пред-решён, и «не должно оставаться иллюзий, что Словению как-то удастся удержать в составе югославской федерации»¹⁷. Его очень интересовало, как отнесётся руководство СССР к такому шагу Словении. Посол разъяснил последовательную линию невмешательства своей страны во внутренние дела СФРЮ и сохранения независимости, суверенитета и целостности Югославии.

Словенцы активно устанавливали контакты с зарубежными странами, чтобы было легче добиться признания независимости. И СССР в этом списке занимал важное место. Так, в начале 1990 г. в Москву прилетел Дмитрий Рупел, отвечавший в новом словенском правительстве за международное сотрудничество. Целью поездки было установить связи с министерством иностранных дел РСФСР и СССР, а также найти подходящего кандидата-словенца для непосредственного контакта с российским министерством, чтобы «добиться как можно скорее дипломатического признания и установления дипломатических отношений с Российской Федерацией»¹⁸.

Такой фигурой в Москве стал глава крупнейшего словенского экономического представительства в России Роберт Кокаль. В опубликованных воспоминаниях он пишет, что для него было крайне важно установить дружеские отношения с российскими дипломатами, но так, чтобы об этом не знали сотрудники югославского посольства. Поэтому, как пишет Р.Кокаль, «в целях конспирации большинство встреч мы организовывали в подвальных помещениях выставочного здания фирмы «Словениялес» в Козицком переулке в центре Москвы. Если бы такие встречи проходили в здании представительства, о них бы прежде узнавали в Белграде, чем в Любляне». На этих встречах говорили о событиях в Югославии, о планах Словении провозгласить независимость. «Борис Колоколов, заместитель министра иностранных дел, — вспоминает Р. Кокаль, — при случае сказал, что наши

встречи можно характеризовать как “подпольную деятельность в подвалах” и что все актёры, участвовавшие в ней, убеждены, что “они работают на перспективу”¹⁹.

Накануне объявленного ранее отделения Словении от Югославии (26 июня 1991 г.) 14–16 мая состоялся визит в СССР словенской делегации во главе с премьер-министром Лойзе Петерле. Для Словении он был значим с точки зрения укрепления её международно-правовых позиций. Л. Петерле охарактеризовал его как «самый важный и самый успешный из всех визитов такого рода за границу»²⁰. Для словенцев знаковым был высокий уровень встреч и бесед с союзными и республиканскими лидерами. Они особенно выделяли встречи с Борисом Николаевичем Ельциным, Президентом РСФСР. И позиции республики и Центра отличались. Последний выступал за единство Югославии, а Ельцин сам уже активно отстаивал независимость республик. Поэтому они выработали соглашение об обмене представительствами, Ельцин обещал нанести визит в Люблян. В отличие от бесед в Австрии, Германии, Италии, Франции, где не было конкретных решений, в Москве словенцы встретили «благосклонность и понимание», подписали Соглашение об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве, договорились о создании совместного словенско-российского банка. Делегаты акцентировали своё внимание на тех моментах, которые были созвучны их идеям о самостоятельности республики, здесь они встретили полное понимание именно российских республиканских властей. В словенской печати большой резонанс вызвали слова председателя Совета Министров РСФСР И.С. Силаева о том, что российское руководство в буквальном смысле «болеет за Словению»²¹.

Хорватия и Словения посылали свои делегации в Прибалтийские республики, Белоруссию и Украину, укрепляя тем самым, как им казалось, международно-правовой статус своих республик. В словенской и хорватской печати публиковались материалы, в которых говорилось, что Литва, Грузия и Армения уже выступили за независимость Хорватии и Словении²². 2–4 июня 1991 г. делегация Словении находилась в Минске. Для неё было важно, что «БССР является членом-учредителем ООН

и как дружественная страна может в будущем оказать существенную поддержку Словении при приёме её в эту международную организацию»²³. Республики договорились об открытии представительства двух республик в Минске и Любляне, подписали Соглашение об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве.

В мае 1991 г. Ф. Туджман посетил Украину, также договорившись об открытии представительства республик в Загребе и Киеве и подписав Соглашение об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве. Хорватия подчёркивала, что это был первый действительно государственный визит на высшем уровне со всеми полагающимися протокольными атрибутами и почестями хорватскому Президенту, хорватским флагу и гимну. Как и в случае с Белоруссией, Ф. Туджман подчёркивал, что для Хорватии крайне важен статус Украины как члена-учредителя ООН «с точки зрения возможного признания её субъектом международного права в будущем»²⁴. Местные обозреватели посчитали этот визит первой ласточкой в прорыве блокады непризнания Республики Хорватии на международной арене. В совместном заявлении утверждалось, что «и Хорватия, и Украина отстаивают в своих распадающихся федерациях идею союза суверенных республик и полной их самостоятельности...»²⁵.

Для Хорватии и Словении 1991 год стал временем решительных действий. 20 февраля Скупщина Словении приняла Резолюцию о разъединении с СФРЮ. В Генконсульство СССР в Загребе документы из Любляны поступили простым письмом по почте. В конверте находилось послание М.С. Горбачёву и текст Резолюции. В письме говорилось, что «Словения сделала решительный шаг на пути к автономии и созданию своей государственности в поисках выхода из состояния хронической агонии югославского общества»²⁶. Затем выражалась надежда на поддержку и понимание, на демократическое признание со стороны дружественных европейских стран, включая СССР, а также мирового сообщества в целом.

Хорватия тоже все решения о провозглашении независимости в обязательном порядке направляла в Москву. Так, 15 июля Генконсульство СССР в Загребе получило проект так называ-

емого Плана урегулирования югославского государственного кризиса. В пяти его пунктах предлагалось признать суверенитет и самостоятельность югославских республик, начать процесс разъединения²⁷. А 28 августа 1991 г. Ф. Туджман послал письмо Президенту РСФСР Б.Н. Ельцину, призывая его поднять свой авторитетный голос в защиту мира и свободы хорватского и всех югославских народов. Так продолжилась работа руководства Словении и Хорватии с республиками СССР в надежде, что те первыми поддержат независимость самопровозглашённых югославских республик.

25 октября 1991 г. Загреб известил министра иностранных дел СССР Бориса Дмитриевича Панкина о решении Сабора Республики Хорватии от 8 октября 1991 г. о разрыве всех государственно-правовых связей с бывшей СФРЮ и просил признать Республику Хорватию и установить с ней дипломатические отношения в полном объёме²⁸.

Совершенно очевидно, что внешняя политика в последние годы существования СССР была зависимой, нестабильной, а потому бессильной. В предисловии к сборнику документов МИД 1990–1992 гг. отмечалось, что «в период после августовских событий 1991 г. основной задачей российской дипломатии стало обеспечение широкой дипломатической поддержки действий руководства Российской Федерации»²⁹. Как вспоминал посол России в США Анатолий Фёдорович Добрынин, Горбачёв «растерянно наблюдал за последствиями своей собственной политики» в Восточной Европе, лишь повторяя свой основной тезис о взаимном с Западом поиске «новой системы безопасности для новой Европы»³⁰.

Что касается Балканского региона, то он оставался в зоне внимания скорее по инерции. МИД СССР декларировал, что занимает нейтральную позицию в конфликте на территории СФРЮ. Равноудалённость от конфликтующих сторон диктовала заявления наиболее общего характера. Неизменным оставался и тезис о территориальной целостности Югославии. Как вспоминал помощник генерального секретаря ЦК КПСС Анатолий Сергеевич Черняев, устойчивость выбора М.С. Горбачёва в пользу единства Югославии была связана с вопросом целостности СССР, «с при-

целом на Прибалтику!»³¹. Такая позиция СССР понятна, так как поддержка сепаратизма в других странах могла бы иметь отрицательные последствия для судьбы самого СССР. Особенно провозглашение независимости Словении и Хорватии стало для СССР во всех отношениях нежелательным прецедентом, так как схожие процессы наблюдались и в ряде советских республик. «Тем более, что и словенцы, и хорваты всячески старались и стараются поддерживать и развивать свои отношения с сепаратистски настроенными лидерами советских республик»³².

Обострение политической обстановки в Югославии в 1991 г. не вызывало особого беспокойства у российского руководства, которое исходило из того, что решение возникших в СФРЮ проблем должно происходить без какого-либо вмешательства извне. При этом «советскому руководству приходилось маневрировать, имея дело с самыми разными политическими силами и быстро меняющимися обстоятельствами»³³. Во время всех официальных встреч Москва и Белград обещали взаимовыгодное сотрудничество по всем направлениям, констатировали близость подходов в международных вопросах, высказывались за усиление взаимодействия³⁴. Как вспоминал А.С. Черняев, в разговорах с югославами ощущалась прежняя искренняя дружба, наполненная «товариществом, полной открытостью, какой-то родственностью», однако Горбачёв на это не реагировал и от таких встреч уставал³⁵.

1–2 августа 1991 г. состоялся визит югославского премьер-министра Антэ Марковича в СССР. Его приезд во время предельного накала внутривосточной обстановки и глубокого экономического кризиса говорил о том, что у югославы надежда оставалась только на русских. Он хотел разблокировать кризис, договориться о конкретных мерах, выводящих из паралича двустороннее экономическое сотрудничество. Стороны подписали Договор о поставках нефти в Югославию, а также угля, хлопка, стали и других товаров на сумму 4 млрд долларов, что должно было улучшить экономику страны. Было подписано также межбанковское соглашение, открывавшее путь движению товаров в обоих направлениях. Достигнутые соглашения оценили в югославских кругах «как реальную экономическую помощь Югославии в самый критический момент»³⁶.

И даже после того, как парламенты Словении и Хорватии объявили о независимости их стран, внешнеполитическое ведомство продолжало придерживаться своей позиции. МИД СССР 26 июня 1991 г. сделал заявление о том, что действия двух республик Югославии являются односторонними. Поэтому «Советский Союз, как и прежде, последовательно выступает за единство и территориальную целостность Югославии, нерушимость её границ, включая внутренние..., поддерживает федеральные структуры власти, которые стремятся обеспечить сохранение югославского государства»³⁷. Отвечая на вопросы журналистов, начальник Управления информации МИД СССР Виталий Иванович Чуркин с уверенностью говорил, что МИД СССР не известно, чтобы Германия, Австрия или какие-либо другие страны выступили... за независимость Словении и Хорватии. Это не так». И далее о позиции Москвы: «Мы исходим из того, что эти права должны реализовываться исключительно в рамках конституционного порядка и не вести к дезорганизации международной жизни... Нам представляется, что территориальная целостность Югославии — это ценность, к которой следует относиться как к таковой»³⁸.

Москва долго не отступала от своей позиции, позволяя «подвижки» лишь в сторону либерализации межреспубликанских отношений. Так, в сентябре 1991 г. М.С. Горбачёв в разговоре с председателем Совета министров Италии Джулио Андреотти выступал за сохранение югославского государства, хотя бы в виде Союза суверенных государств³⁹. Москва была также решительно против участия любых вооружённых сил извне в разрешении конфликта, как это предлагалось некоторыми представителями западных стран, настаивала на широком политическом диалоге между республиками и отказе от решения спорных вопросов вооружённым путём. В разговоре с советником-посланником Посольства Финляндии в СССР Юрье Кариненом 15 августа 1991 г. М.И. Сенкевич подчеркнул, что Москва хорошо разбирается в ситуации на территории бывшей Югославии, и обратил внимание на то, что основным препятствием на пути разблокирования конфликта является жёсткая позиция хорватских лидеров. Они «стремятся к широкой интернационализации кризиса, пытаются заручиться международной поддержкой своих сепаратистских

устремлений», что не поддерживается СССР. Поэтому СССР выступает против направления многонациональных формирований по поддержанию мира в Югославию, против рассмотрения югославского вопроса в Совете Безопасности ООН. «Такие предложения стоят на грани вмешательства во внутренние дела Югославии, могут привести к широкой интернационализации конфликта и усугубить ситуацию»⁴⁰.

Безусловно, Москва не могла выстраивать своё отношение к событиям на Балканах без учёта позиции европейских стран и США. А их политика с середины 1991 г. начала меняться.

МИД СССР констатировал, что представители европейских государств встали на путь беспрецедентного использования международного посредничества в решении сугубо внутривнутриполитических вопросов в независимой стране, что для нас... неприемлемо⁴¹.

При анализе архивных документов МИД СССР приходишь к выводу, что дипломаты, работавшие на Балканах, а также эксперты уже с начала 1991 г. осознавали, что сохранить Югославию не удастся. Но официальная позиция Москвы оставалась неизменной. Например, в Докладной записке МИД (без автора и предназначения) от 15 февраля 1991 г. делался вывод о том, что сохранить югославскую федерацию в нынешнем её виде не получится, дальнейшее ослабление власти Центра неизбежно. Однако автор, как, впрочем, и советское руководство, опасались постановки вопроса об изменении границ, обострения борьбы внешних сил за влияние в регионе. Поэтому предлагалось «попытаться сохранить единое государство и обеспечить фактическое сосуществование в нём двух различных социально-экономических укладов»⁴², продолжать сотрудничество в торгово-экономической и научно-технической областях, наращивать диалог с руководством Югославии, со всеми политическими общегославскими силами, запланировать официальные визиты глав правительств двух стран.

В июле 1991 г. в СФРЮ был направлен специальный представитель Президента СССР, первый заместитель министра иностранных дел СССР Юлий Александрович Квицинский, посетивший Сербию, Словению и Хорватию. Его задачей было, как писал М.И. Сенкевич, «доведение до сведения лидеров вовлечённых

в конфликт югославских республик точек зрения советского руководства и ознакомление на месте с развитием ситуации в стране»⁴³. Направление высокого мидовского чиновника в кризисный регион на Балканах, видимо, было связано в том числе и с приглашением М.С. Горбачёва в Лондон на встречу «семёрки», где должна была обсуждаться ситуация в Югославии. Москву волновали наметившиеся тенденции изменения позиций некоторых европейских стран и США в отношении признания независимости Словении и Хорватии. Ознакомление советского дипломата с ситуацией в балканской стране должно было упрочить позицию СССР по этому вопросу.

В Белграде восприняли этот визит с воодушевлением, так как тогда в мировых СМИ уже начала складываться необъективная картина происходившего на Балканах. А Россия представлялась в международных отношениях той силой, которая сможет беспристрастно взглянуть на сложные югославские события.

Побывав в Белграде, Загребе и Любляне, Ю.А. Квицинский, судя по документам МИД СССР, убедился в том, «насколько важна советская позиция в пользу сохранения единства и территориальной целостности Югославии»⁴⁴. Однако в разговорах с сербами, правда, чуть позже, в самом начале августа, он был более откровенным. Первому заместителю Союзного секретаря по иностранным делам СФРЮ М. Максичу он сказал, что последний шанс сохранить Югославию пропущен, и нет такой силы, которая могла бы это осуществить. Ю.А. Квицинский подчеркивал, что развитие событий уже не подлежит контролю⁴⁵. Это был симптом *начавшихся изменений во взглядах руководства СССР*, хотя официальная позиция по сохранению целостности страны ещё какое-то время продолжала оставаться неизменной. В заявлении советского правительства от 2 августа 1991 г. международному сообществу давалось понять, что следует делать различие между «оказанием добрых услуг» и «вмешательством во внутренние дела», которое неприемлемо ни с точки зрения международного права, ни с точки зрения возможных последствий⁴⁶.

Новые тенденции в позиции СССР к осени 1991 г. проявились уже более определенно⁴⁷. В совместном заявлении СССР, США и ЕС 18 октября уже ни слова не говорилось о сохранении тер-

риториальной целостности Югославии⁴⁸. В это время проявляется пока ещё не изменение позиции СССР по вопросу единства Югославии, но попытка более точно оценить ситуацию в Федерации и рассмотреть потенциально иные подходы Москвы. 16 июля 1991 г. генеральный консул в Загребе Юрий Степанович Гиренко направляет Докладную записку заместителю министра иностранных дел СССР Ю.А. Квицинскому, в которой отмечает, что «возникает необходимость известной модификации нашей позиции по югославскому вопросу»⁴⁹. По его мнению, без дальнейшей интернационализации югокризиса не обойтись. Поэтому «впредь нам, видимо, следует делать больший упор не на противодействии его интернационализации, а на такие его формы, прежде всего, политические, которые не допускали бы грубого вмешательства во внутренние дела Югославии и навязывания ей чужой воли». Генконсул советовал «приглушить» тезис о сохранении единства и целостности СФРЮ.

Как видим, на волне до конца не разработанной «новой концепции мышления», неясностей её идейных параметров советская дипломатия попала в идеологическую ловушку. Отстаивая единство своего многонационального государства, Москва встала на сторону Запада в его стремлении «демократически» преобразовать СФРЮ и поддержать стремление каждой республики к независимости. При этом как незапятанный и правоверный сторонник интернационализма и противник любого шовинизма она боялась обвинений СССР в поддержке якобы «велико-сербской» идеи. А потому, по определению, МИД поддерживал любые инициативы Запада, если они назывались «демократическими». Он не задумывался о подрыве международного права и принципов СБСЕ/ОБСЕ и фактически приближал интернационализацию конфликта, а следом за этим и распад СФРЮ.

Таким образом, внешнеполитическая позиция Советского Союза по югославскому кризису складывалась в трудных условиях развития внутривосточного кризиса советского государства. На неё не могли оказывать влияние сложная, кризисная экономическая ситуация в стране, экономическая зависимость от Запада, необходимость выполнять определённые условия, чтобы получить кредиты, иллюзорная надежда на равноправное

международное сотрудничество со странами Европы и США, необходимость дистанцироваться от попыток инкриминировать Москве поддержку «великосербской» идеи.

Примечания

- ¹ Архив внешней политики СССР (далее — АВП СССР). Ф. 144. Референтура по Югославии. Оп. 51. Д. 8. П. 122. Л. 16.
- ² В Политбюро ЦК КПСС. По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / Сост. А. Черняев. М.: Горбачев-Фонд, 2008. С. 570.
- ³ Там же. С. 598.
- ⁴ Там же. С. 607.
- ⁵ *Фалин В.М.* Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. 2016 // URL: <https://avidreaders.ru/book/bez-skidok-na-obstoyatelstva-politicheskie-vospominaniya.html> (дата обращения: 19.01.2019)
- ⁶ *Он же.* Как и почему Горбачёв простил Яковлеву сотрудничество со спецслужбами США // URL: <https://regnum.ru/news/polit/1475019.html> (дата обращения: 26.01.2020)
- ⁷ АВП СССР. Ф. 144. Референтура по Югославии. Оп. 51. Д. 4. П. 121. Л. 189.
- ⁸ СССР — СФРЮ. Разговор по телефону А.А. Бессмертных с Б. Лончаром // Вестник МИД СССР. М., 1991. 15 марта. № 5 (87). С. 12–13.
- ⁹ Там же. 30 апреля. № 8 (90). С. 13.
- ¹⁰ АВП СССР. Ф. 144. Референтура по Югославии. Оп. 52. Д. 7. П. 125. Л. 98.
- ¹¹ Там же. Оп. 51. Д. 6. П. 122. Л. 50–51.
- ¹² Там же. Д. 4. П. 121. Л. 236.
- ¹³ Там же. Д. 2. П. 121. Л. 39.
- ¹⁴ Ганс-Дитрих Геншер — министр иностранных дел ФРГ.
- ¹⁵ Кто играл главные роли? // Сербия. Белград, 1995. № 26. С. 31.
- ¹⁶ *Прунк Я.* Краткая история Словении. М., 1996. Рукопись. С. 33–34.
- ¹⁷ АВП СССР. Ф. 144. Референтура по Югославии. Оп. 52. Д. 2. П. 123. Л. 155.
- ¹⁸ *Кокаль Р.* Московские воспоминания // Славянский альманах 2005. М.: Индрик, 2006. С. 544.
- ¹⁹ Там же. С. 548, 551.
- ²⁰ АВП СССР. Ф. 144. Референтура по Югославии. Оп. 52. Д. 6. П. 124. Л. 106.
- ²¹ Там же. Л. 107.
- ²² Там же. Д. 7. П. 125. Л. 120.
- ²³ Там же. Д. 6. П. 124. Л. 120–121.
- ²⁴ Там же. Л. 115.
- ²⁵ Там же. Л. 116.
- ²⁶ Там же. Д. 2. П. 123. Л. 65, 68.
- ²⁷ Там же. Д. 6. П. 124. Л. 34.
- ²⁸ Там же. Л. 51.
- ²⁹ Внешняя политика России. Сборник документов. 1990–1992. М.: Международные отношения, 1996. С. 5.

- ³⁰ Добрынин А.Ф. Главы из книги «Особо доверительно // Дипломатический вестник. М., 1997. № 4. Апрель. С. 76.
- ³¹ Черняев А.С. Книга: Дневники 1972–1991. Часть II. С. 657. URL: http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/1007502/Chernyaev_-_Dnevniki_1972-1991._Chast_II.html (дата обращения: 27.01.2019).
- ³² АВП СССР. Ф. 144. Референтура по Югославии. Оп. 52. Д. 9. П. 125. Л. 204–205.
- ³³ Из предисловия // Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед Горбачёва с зарубежными деятелями и другим материалам / Горбачёв-Фонд. М.: Изд-во «Весь мир», 2010. С. 577.
- ³⁴ СССР — СФРЮ. Разговор по телефону А.А. Бессмертных с Б. Лончаром // Вестник МИД. М., 1991. 15 марта. № 5 (87). С. 12–13; Беседа с Союзным секретарём по иностранным делам СФРЮ Б. Лончаром 10 сентября 1991 г. // Горбачев М.С. Собрание сочинений. Т. 28. Сентябрь-октябрь 1991 г. / Горбачёв-Фонд. М.: Изд-во «Весь мир», 2018. С. 157–160; Вестник МИД СССР. 1990. 1 октября. № 20 (78).
- ³⁵ Черняев А.С. Книга: Дневники 1972–1991. Часть II. С. 666.
- ³⁶ АВП СССР. Ф. 144. Референтура по Югославии. Оп. 52. Д. 7. П. 125. Л. 131.
- ³⁷ Вестник МИД СССР. М., 1991. 31 июля. № 14 (96). С. 30.
- ³⁸ Там же. 15 августа. № 15 (97). С. 31.
- ³⁹ Беседа с председателем Совета Министров Италии Дж. Андреотти 23 сентября 1991 г. // Горбачев М.С. Собрание сочинений. Т. 28. С. 387.
- ⁴⁰ АВП СССР. Ф. 144. Референтура по Югославии. Оп. 52. Д. 6. П. 124. Л. 27.
- ⁴¹ Там же. Д. 9. П. 125. Л. 202.
- ⁴² Там же. Д. 6. П. 124. Л. 96.
- ⁴³ Там же. Д. 2. П. 123. Л. 49.
- ⁴⁴ Там же. Л. 112.
- ⁴⁵ Јовић Б. Посљедни дани СФРЈ. Београд: Стручна књига, 1995. С. 369.
- ⁴⁶ Заявление советского правительства 2 августа 1991 г. // Югославский кризис и Россия. Документы, факты, комментарии (1990–1993). Современная история Югославии в документах. / Под ред. Е.Ю. Гуськовой. Т. 2. М.: Славянская летопись, 1993. С. 61.
- ⁴⁷ Јовић Б. Указ. соч. С. 368.
- ⁴⁸ Совместное заявление СССР, США, ЕС 18 октября 1991 г. // Вестник МИД СССР. М., 1991. 15 ноября. № 21 (103). С. 7.
- ⁴⁹ АВП СССР. Ф. 144. Референтура по Югославии. Оп. 52. Д. 6. П. 124. Л. 140.